

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

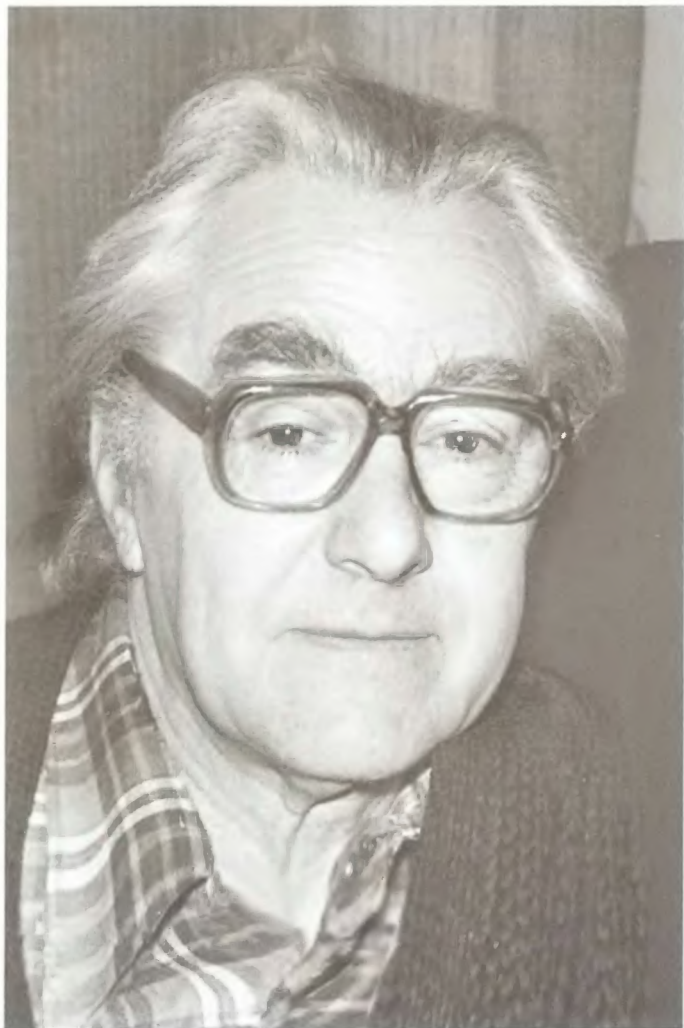
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

“THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY”: LANGUAGE NORM
SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO
CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE
METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSCHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY
BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM
AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE
CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN
EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (*translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev,*
notes by G.V. Bondarenko) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. “THE STORY OF EGMUND THE BEATEN
AND GUNNAR HALF-AND-HALF” (*translation and notes by Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE
CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

“СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА
И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”,
ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ
РЕЙНОЛЬДС”

- Разве имя должно что-то
значить? –
проговорила Алиса с сомнением.
– Конечно, должно, – ответил
Шалтай-Болтай и фыркнул. –
...А с таким именем, как у тебя,
ты можешь оказаться чем
угодно... Ну, просто чем
угодно!...
– Когда я беру слово,
оно означает то, что я хочу, не
больше и не меньше – сказал
Шалтай высокомерно.
– Вопрос в том, подчинится ли
оно Вам, – сказала
Алиса... Помолчав, Шалтай-
Болтай продолжал:
– Некоторые слова очень вредные!
Ни за что не поддаются! Особенно
глаголы
Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Я полагаю, “феодализм” никак не может быть привлечен к суду историков хотя бы потому, что под именем *феодалных* в историографии фигурировали самые разные феномены, агенты и институты. Известно, что первенство в создании концепта феодализма принадлежит юристам XVI–XVIII вв. Первоначально историки во многом опирались на эти разработки, хотя и не всегда отдавали себе в этом отчет. И именно историки, в отличие от правоведов, не могут в настоящий момент договориться не только об одном, но и о двух–трех определений феодализма для возможного обсуждения¹. Кто же, с учетом этого обстоятельства, может претендовать на роль судьи, а кто вынужден признавать себя ответчиком в деле суда над феодализмом?

Термин “феодализм” одними историками использовался применительно к историческим реалиям раннего Средневековья, а другими – при характеристике позднего Средневековья, в некоторых случаях термин фигурировал при описании отношений внутри военной элиты или же появлялся совсем в ином контексте – развития сельской сеньорией.

Необходимо уточнить и другой вопрос или посылку, сформулированную учредителями “круглого стола”. Как удастся историкам придерживаться давно сложившихся исторических понятий, в частности сохранять понятие “феодализм” в своем арсенале? На этот вопрос, заданный А. Я. Гуревичем в статье “Феодализм перед судом историков”², совсем несложно ответить. Нет, не удастся совершенно и достаточно давно. Нетрудно указать, что уже с 70-х годов прошлого века, т. е., по крайней мере, лет тридцать назад историки открыто стали отказывать данному понятию в праве на существование, а к концу столетия эта позиция получила завершенную форму³. Историки (западные медиэвисты) сделали все для того, чтобы целостное восприятие “феодализма” и “феодального” считалось наивным и некорректным среди профессионалов. Можно сказать, что понятие “феодализм” подверглось радикальной деконструкции и исчезло.

Необходимость преподавания (что нередко равносильно необходимости упрощения) и тенденция принятия общих понятий в качестве аксиом в рамках учебного процесса объясняют, почему единичные традиционалистские концепции социального строя Средневековья продолжают переиздаваться⁴. В этом “репринтном” развитии историографии сказывается и нежелание продолжить все более сложные споры о понятиях. С другой стороны, во многих современных пособиях для высшей и средней школы термин “феодализм” употребляется все реже⁵. К сожалению, с исчезновением слова не исчезнут проблемы исторического познания, сопровождавшие и развитие, и критику понятия “феодального мира”.

В самое последнее время стало возможным говорить о новом обращении к теме, попытках возродить понятие “феодального”. Достаточно редкие обсуждения данной темы на международных встречах медиэвистов (например, в Центре исследований раннего Средневековья в Сполето) показывают желание пойти наперекор тенденциям, преобладающим в рамках национальных школ историографии.

Возникает такое сравнение: историки не могут разобраться, что такое феодализм – имя собственное или нарицательное? Существует один “феодализм” или же их множество? Феодализм некогда считался “именем собственным” для Средневековья, конкретизировать которое, естественно, не требовалось. Затем “феодализм” (как и слова “феод” и “вассалитет”) становится именем нарицательным, т. е. термином с набором стандартных словарных значений. И, наконец, “феодализм” как бы попадает в “Зазеркалье”, где имя собственное непременно что-то значит, а простое существительное имеет произвольное значение⁶. При столь противоречивых и несогласуемых мнениях трудно продолжать конструктивную дискуссию, и го-

раздо легче перестать употреблять слово, чтобы не запутаться окончательно.

Вопрос о том, как удается историкам придерживаться давно сложившихся исторических понятий, думается, следует заменить другим, а именно, необходимо ли историкам общее определение феодализма? Дискуссия в ИВИ РАН ценна именно как попытка дать на этот вопрос ответ. За круглым столом в Академии наук было предложено, в частности, проанализировать исследовательские тезисы Сьюзан Рейнольдс относительно вассалитета на средневековом латинском Западе⁷. Предложение показалось мне весьма важным, так как в ее трудах обсуждаются основные методологические вопросы изучения феномена вассалитета и передачи фьефов.

Кроме того, версия Рейнольдс интересна некоторыми частными аспектами. Во-первых, ее публикации, даже небольшие, обычно вызывают многочисленные отклики коллег⁸, а в наш век информационной революции такой интерес указывает, что работа действительно важна и полемика по данному вопросу неизбежна. Во-вторых, в предложенной к обсуждению работе исследовательница анализирует историю создания таких понятий, как “феод” и “вассалитет”. В 80-е годы XX в. корректным считалось разделять сферу поземельных и личных (вассальных) отношений и ассоциировать именно эти системы связей с “феодализмом”⁹. Независимо от того, возможно ли ставить знак равенства между “банальной сеньорией” и феодализмом, именно понятия сеньории и вассалитета являются наиболее широкими из используемых в медиевистике. Соответственно, и анализ этих концептов не только был весьма актуален в период подготовки труда Рейнольдс, но и остается таковым до сих пор.

Проблема исследования вассальных отношений, которую я выбираю в рамках данной статьи более детального обсуждения, на мой взгляд, важна еще и потому, что ставит вопрос о том, была ли городская округа антиподом средневекового городского мира, или же частью взаимосвязанной системы, которую составляли город, “контадо” и “дистретто”? Если да, то можно ли принять тезис о том, что взаимоотношения города и округа реализовывались как связи коммуны (общины) и сеньории, что сфера действия вассальных отношений объединяла и то, и другое? В историографии предшествующего периода, причем не только марксистской, данный вопрос формулировался как проблема отношений города и феодализма, феодального мира и коммуны.

Для меня важно выделить современные исследовательские перспективы, снимающие барьеры между темой коммуны и темой сеньориальных связей. Мне представляется важным, что такую перспективу (не в одной работе, а совокупностью исследований) раскрывает Рейнольдс.

Рейнольдс ставит вопрос о ревизии определения вассалитета и феода, также как и коммуны. Отметим, однако, что радикальный критицизм Рейнольдс вписывается в определенный историографический контекст. Эту традицию воплощают и предшественники Рейнольдс, и некоторые из рецензентов и критиков, наиболее чутких к сути вызова, сформулированного в исследовании "Фьефы и вассалы"¹⁰.

В такой ситуации призыв "забыть феодализм" означает как раз наоборот – задачу "вспомнить все". Вспомним, что позиция Рейнольдс была удачно определена как тенденция крайнего номинализма, поскольку исследовательница пришла к радикальному отрицанию какого-либо общего смысла понятия "вассалитет", и тезису о принципиальной невозможности выкристаллизовать это общее понятие из частных контекстов. Но номинализм столь давняя интеллектуальная традиция, что ее никак нельзя назвать новаторской или революционной.

Затем поставим вопрос, перечеркивает ли отказ от абстрактных понятий и общих терминов возможности широких исследований социальной жизни средневекового мира? Ставятся ли самой Рейнольдс глобальные вопросы?

Кроме того, мне хотелось бы показать, что идеи Рейнольдс, сформировавшиеся в процессе изучения английского Средневековья (города и корпорации), не противостоят традиции и проблематике изучения романского мира, не являются плодом развития внутренних противоречий англоязычной историографии. И как именно соотносится предложенная ею исследовательская парадигма с рядом конкретных исторических случаев, например с материалом, характеризующим специфический вариант социального развития средневековых итальянских земель?

Поэтому я использую в данном очерке и сопоставление трудов Сьюзан Рейнольдс с разработками именитой итальянской исследовательницы Джини Фазоли. Я обнаружила возможности такого сопоставления, исходя из общей направленности и сходства задач авторов. Нельзя не отметить общего интереса к взаимосвязи коммуны и феодализма, который отличает труды обеих исследовательниц. Также присутствует сходство и в стилистике работ, поскольку, как я считаю, основой этих трудов-монографий послужили лекционные циклы.

Работы Фазоли о взаимосвязи города и феодального мира я отмечу в первую очередь. Особенно важны размышления исследовательницы о первых основах объединений, которые впоследствии получили правовой статус коммун. Работа Фазоли сформировала представление о том, что на первоначальной стадии развития коммуна носила исключительно частный характер и являлась

продуктом временного договора небольшого числа частных лиц – горожан или селян-соседей, заключенного с принесением взаимной клятвы-присяги¹¹. Таким образом, произошел переход от понимания коммун как системы публичных и политических функций к восприятию общины как системы временных персональных связей.

Если Джина Фазоли определила начальную фазу коммун как сообщество круговой поруки *conjuratio, iuramentum*, т.е. частного правового соглашения, то Рейнольдс утверждала в книге “Королевства и общины Западной Европы 900–1300 гг.”, что понятие “коммуна” не имело правового значения вообще¹².

Это мнение спорно и связано с тотальным недоверием исследовательницы к возможностям исторической интерпретации правовых терминов. Однако в текстах Рейнольдс присутствуют не только отрицания устойчивых представлений историографии, но и позитивные наблюдения и простые апелляции к здравому смыслу читателя, которые, мне кажется, заслуживают внимания.

Рейнольдс, в частности, отмечает следующий важный момент: историки обозначают вассальными отношения между лордом (сеньором) и его зависимым, но свободным или даже привилегированным (анноблированным) вассалом, что и позволяет говорить, пусть не о равенстве сторон, но об элементе добровольности и взаимности в развитии этих отношений¹³. Именно это положение вещей, по мнению Рейнольдс, коренным образом отлично от взаимоотношений господина и его крестьян или подданных в классическом представлении о личной зависимости.

Но такое наблюдение ставит не только водораздел между изучением феномена вассалитета на латинском средневековом Западе и классической концепцией крепостного состояния, но и перекидывает мостик к одновременному изучению статуса привилегированных и непривилегированных вассалов.

Рейнольдс поднимает общий вопрос о роли церкви в процессах реорганизации средневекового социума и в создании систем вассалитета – важный историографический сюжет. Напомню, в упоминавшейся выше монографии “Королевства и коммуна в Западной Европе” впервые изданной в 1984 г., существует специальный значительный раздел под названием “The Community of the Parish” (приходская коммуна)¹⁴.

Автор высказывает идею о том, что коммуны, а также объединения и союзы внутри коммуны и братства внутри приходской общины – это если не явления одного порядка, то звенья одной цепи. Рейнольдс также справедливо уточняет, что приходская структура включала в себя все зависимые от местной церкви земли, целую правовую систему отношений зависимости¹⁵. Подчеркну, речь идет

именно о системах вассальных связей, в первую очередь, о подчинении общин и малых групп держателей.

Основной же тезис звучит именно как постулат номинализма: общего значения всех случаев употребления термина “вассал” нет и не может быть вообще¹⁶. Однако, внимательные критики подметили половинчатость номинализма Рейнольдс: с одной стороны, исследовательница подчеркивает бессмысленность поисков универсальных значений терминов “феодализм” и “вассалитет”. С другой – Рейнольдс твердо верит в возможность указать все значения, которые никак нельзя этим словам приписывать, т.е. берет на себя обязательство того же порядка, что и первоначально отвергнутое¹⁷.

На мой взгляд, значимость труда Рейнольдс по истории общин в том, что исследовательница показывает роль сеньориально-вассальных связей при анализе формирования общин, а не только в связи с исследованием фьефа. Таким образом, хотя общие концепты (как “феодализм”, так и “община”) Рейнольдс отрицает, тем не менее на уровне конкретных казусов вассальных отношений и коммун исследовательница прослеживает взаимосвязь.

Из частных проблем, упоминаемых Рейнольдс (как и Фазоли), выделим здесь лишь те, которые, как я полагаю, волнуют и автора синтезирующих работ, и любого исследователя-медиевиста. Итак, во-первых, что такое само по себе объединение, обозначаемое “община” и “коммуна”, на каких условиях это объединение принимает вышестоящую власть, правомерно ли говорить о добровольном согласии и взаимности обязательств вассальной и сеньориальной стороны, – или это риторика? Во-вторых, насколько близки по смыслу употребляемые обозначения вассалов, лично зависимых людей? В-третьих, какова роль нобилитета, церкви и самих общин в истории формирования общин и систем личных и поземельных связей?

Интересно, что Рейнольдс, ратуя за разбор “казуса”, за “уликовое” знание, избирает, пусть и вынужденно, широкие горизонты исследования, а, например, советские историки-медиевисты, при существовании всем известной глобальной модели феодализма и техники интеграции в нее отдельных казусов и вариантов социальных связей, могли позволить себе заниматься интерпретациями частностей, без излишних комментариев и отсылок.

Итальянисты в советский период прекрасно работали с отдельными казусами взаимоотношений сеньоров и общинников, а именно с материалом хартий и статуты по истории отдельных общин (в основном на примере Севера Италии)¹⁸. Таким образом, существование глобальных концепций несколько не препятствует углубленному изучению казусов, а отсутствие их не отнимает необходимость расширения исследовательских перспектив.

Что касается самих терминов *vassi* или *vassali*, то, как считает Рейнольдс, употребление их не так типично для исторических источников, как это представляется, если полагаться на труды медиевистов. Эти термины, по утверждению исследовательницы, фигурируют в каролингских документах и переходят под влиянием франкской традиции в документы, составленные в Италии и Германии. В Италии после X в. встречаются обе формы слова. Однако в отличие от этого во французских и германских землях слова, обозначающие “вассал”, постепенно вышли из употребления (пока не были вновь привнесены из Италии юристами).

Распространение термина “вассал” в документах XIII в. Рейнольдс напрямую связывает с подъемом интереса к изучению права в качестве особой “академической” дисциплины. При этом исследовательница указывает, что такие термины как *fidelis* и *homo* иногда могут выступать в качестве синонимов в значении “вассал”, но часто несут в себе гамму иных оттенков¹⁹. Данный момент Рейнольдс, думается, излишне утрирует, как и бедность контекстов, которые можно было бы привлечь для верификации терминов, так и выводы, которые следует из этих построений.

На мой взгляд, независимо от того, есть ли основания считать все формулировки Рейнольдс удачными, ее исследовательские тезисы могут быть верифицированы или проиллюстрированы материалом исторических источников, который не являлся объектом специального исследования, но явно был знаком, хотя бы и поверхностно, этому автору: а именно, статутами общин итальянского Средневековья. Если обратиться к историческим источникам, датируемым в Италии XIII в., то можно заключить, что именно в юридических документах термины “вассалы” и “верные”, а также просто “люди” употребляются как взаимозаменяемые обозначения вассальных групп.

О конкретных чертах, характеризующих положение вассалов, можно составить представление по статутам общин, так как это не только нормативное право, но, по большей части, интерпретированное, изложенное по казусам как обычая, так и нововведения.

Рассмотрим пример зависимой средневековой итальянской коммуны, о возникновении которой мы можем судить благодаря статутам – законодательству, предоставленному сеньором. Причем этим сеньором было не светское лицо, а церковь, которая осуществляла так называемое прямое господство (*dominium directum*) над обширными территориями важной исторической области – Сабинны. Замок Роккантика, вероятнее всего, существовал уже в первой четверти XI в. в качестве временной резиденции графов Сабинны. С упразднением этого статуса при папе Льве IX пришел в упадок и замок. Возобновление поселения в 1060 г. при папе Николае II надо целиком

приписать заслуге Римской церкви, стремившейся сделать замок оплотом своего военно-политического могущества, стратегически важным опорным пунктом Сабинь. По мнению П. Тубера, это одна из первых подобных инициатив Римской церкви²⁰.

Местные жители именовались “верными” церкви²¹. Коммунальное развитие замка Роккантика проходило также под контролем и воздействием Римской церкви. В 1326 г. ректор Патримония св. Петра в Тусции и Сабине на основе привилегий, пожалованных Роккантика ранее, учредил статутное законодательство замка и новый режим управления. Как сказано в прологе к статуту, до этого момента люди замка Роккантика не знали никаких элементов коммунального самоуправления²².

Прочитав документ, мы можем увидеть тот момент, когда в замке официально утверждалась система административных лиц: должность викария как главного управляющего, а также камерария, военачальника и нотариуса общины²³. Средства на выплаты жалования должностным лицам, в соответствии со статутом, поступали от местного населения; выборной являлась должность нотариуса и камерария, а викарий же прямо назначался от имени сеньора, т.е. Римской церкви²⁴.

Викарию поручалось управлять замком Роккантика “ради славы и верности Римской церкви”, что отражалось в словах присяги²⁵. В статуте Рокка имелась специальная статья, предписывавшая викарию следить за тем, чтобы все укрепления замка находились в сохранности, что показывает значимость этого должностного лица. По поводу возможных злоупотреблений властью со стороны высшего административного лица члены коммуны могли обращаться с апелляциями в епископальную курию Сабинь²⁶.

Существовал запрет избирать на другие административные должности лиц, неугодных церковным властям²⁷, и приносить вассальные присяги или отчуждать имущество в пользу магнатов²⁸. Жители Роккантика отдавали церкви “ценз св. Петра”, а плюс к этому выплачивали курии Сабинь прокурацию (точная сумма в статуте не указана) и средства на поддержание в порядке церковей, причем все эти сборы производились поочередно²⁹. Курии Римской церкви предназначались и все штрафы за причиненный ущерб, взимаемые в замке. Вот те обязанности, которые коммуна несла именно в силу статуса вассалов церкви.

Обратимся теперь к более ранним документам, иллюстрирующим взаимоотношения аббатства Субьяко с окрестными замками³⁰. Яркий пример известен по документу, давно опубликованному и введенному в оборот, но нечасто используемому. Документ датирован 1193 г. и содержит пункты, регламентирующие обязанности населения замка Субьяко перед аббатом Субьяко, другой документ (от

1270 г.) – повинности близлежащих замков Рояте и Роккасека перед тем же аббатством, причем только в этом последнем документе жители замков названы вассалами монастыря Субъяко³¹.

В документе от 1193 г., где формально еще никак не зафиксированы вассальные связи замка с аббатством, нет упоминания о клятве верности и не употребляется сам термин “вассалы”. Однако в этом случае предвосхищены некоторые условия вассальной зависимости людей Рояте и Роккасека, которые появились в письменной форме почти век спустя. Прежде всего это уплата денежной ассизы, собираемой ежегодно, некие службы, причитавшиеся монастырю издавна, а кроме того оказание помощи в случаях, когда монастырь приобретал новые земли и замки³². Введение термина “верность”/“верные” в юридические документы происходит не сразу, но характер отношений сторон, видимо, существенно не меняется.

Рассмотрим, насколько схожи черты статуса “верных” церкви и тех вассалов, которые признавали зависимость от светских сеньоров. В качестве примера мы можем привести примеры общин нобильских замков, отметив, между прочим, что и светские сеньоры принадлежали к папским непотам.

Проанализируем случаи, когда простолюдины приносили присягу нобильям. Статут замка Виковаро, самый ранний из имеющихся в нашем распоряжении, был составлен в 1273 г. по воле сеньоров Орсини. В прологе статута нотариус указал, что статут был одобрен не только господами, но и жителями замка, хотя, возможно, это просто риторическая формула. Как всегда в торжественных случаях, жители были собраны перед палаццо сеньора кличем глашатая и колокольным звоном. В качестве свидетелей на церемонии присутствовали такие почетные лица, как местный епископ, владелец соседнего замка, видный горожанин ближайшего города Тиволи, а также судья и нотариус³³. Текст нового установления был зачитан вслух.

Сходную ситуацию можно проследить по примерам замков других родов. Во вступительной части статута Ровиано *homines* замка получали напоминание о клятве верности, данной представителю рода Колонна³⁴. В статутах Каве и Дженаццано *pedites* этих замков назывались обычно не термином “вассалы”, но просто людьми сеньоров окрестных земель и укреплений, которыми являлись представители родов Колонна и Аннибальди³⁵. Интересно, что при введении статута в действие вассалами приносилась, таким образом, не просто клятва верности сеньору, но клятва соблюдать те условия службы и вассалитета, которые были записаны в статуте или грамоте.

Что касается принесения присяг, то все три категории сеньоров и их «верные» фиксировали свои отношения в письменном праве. Даже сеньоры, принадлежавшие к рыцарскому нобилитету, не производили никаких сложных церемоний, хотя священные предметы

использовались при клятве. Обычно фигурирует клятва на Евангелии, а также вполне прагматическая мера – залог. Нобили-сеньоры за нарушение установленных с вассалами-простолюдинами соглашений могли поплатиться такой же суммой, как и община подвластного замка, если пренебрегала клятвой.

Простолюдины, как и благородные вассалы, обязывались нести военную повинность³⁶. И именно аристократы – владельцы замков стремились привлекать вассалов-простолюдинов к военной службе не только по охране замка, но и в других ситуациях. Например, в статуте Виковаро подчеркивается неоднократно, что так называемые массарии (простолюдины замка) были вассалами рода Орсини, обязанными им военной службой³⁷. Нобили были склонны подчеркивать в местном законодательстве их особый статус. В основном это касалось выгод и привилегий в хозяйственной жизни, свободы распоряжения имуществом, но были и специальные привилегии, касающиеся таких важных основ, как гостеприимство и приношения.

Массарии замка Виковаро освобождались от обязанности принимать на постой сородичей хозяев замка, которыми были Орсини. Подобными привилегиями обладали вассалы-нобили других сеньориальных родов, например, нобили замка Каве³⁸.

Интересно также, что в статуте местечке Сгургола, замка рода Каэтани, речь шла об освобождении от поборов, и приобретении привилегий “*libertas*”, “*franchitia*”³⁹, но лишь за плату. Таким образом, сеньориальная сторона повышала статус вассалов, не имевших нобильского происхождения.

Также массариям Виковаро дозволялось продавать свое молодое вино кому угодно, а всем прочим жителям после того, как распродаст свои запасы курия⁴⁰. В Кампаньяно и Олевано вассалы-простолюдины могли вывозить на продажу плоды своих земельных наделов, но уплатив предварительно побор габеллу⁴¹. Массарии замка Ровиано имели исключительную привилегию торговать излишками своего продукта на “территориях” Рима и Тиволи, а это, видимо, были самые выгодные рынки сбыта⁴².

Примечательно, что в документах мы не найдем обилия символических репрезентаций, но лишь подробные перечисления повинностей или возможностей замены службы, например, извоза, денежным эквивалентом. Есть и другие примеры любопытные детализации. В соответствии с соглашениями между сеньорами и их “верными” из замка Виковаро обязанность принимать сеньора на постой и натуральные приношения (конопли) – это взаимозаменяемые повинности. Также в определенных случаях постой домохозяев сеньора происходил за плату, причем, если не было уверенности, что сеньориальная сторона внесет деньги, то вассалы могли пропорциональным образом уменьшить приношения и исполнения служб.

Надо отметить, что в правовых документах, происходящих из нобильских сеньорий, встречаются не только обозначения земельных участков “верных” термином “феод” или “часть феода”, но нередко такое выражение, как *bona stabilia*. Этот термин обозначает земельные держания, полученные путем феодальной уступки⁴³. Но не редки также и термины *proprietas*, *bona hereditaria*, *hereditates*, которые обычно означают “аллод”, а вовсе не временное условное владение.

По норме права, любое земельное держание простолюдина было отчуждаемым, т.е. верные могли продать их или завещать, но с рядом ограничений, которые требует специального пояснения. Прежде всего, эти ограничения передачи участка в другие руки исходили от сеньоров, желавших, чтобы земельные держания получали только их вассалы (безразлично, прямые наследники или нет). Примерами может служить законодательство Дженаццано и Каве⁴⁴, а также Кампаньяно⁴⁵. Колонна воспрещали наследование со стороны тех родственников своих вассалов, которые не пожелали бы занять место новых “верных” и в этом качестве на условиях службы владеть землей. Сеньоры из рода Аннибальди первоначально запрещали своим вассалам продажу участков даже в пользу других своих “верных”. И лишь в 1286 г. подобное запрещение было снято, но при этом позволено передавать *bona feudalia* о *stabilia* только в кругу вассалов.

В качестве сеньоров и свидетелей заключения договоров о статусах выступали римские аристократы, не просто имевшие в городе резиденции, но игравшие важную роль в жизни римской *civitas*. Сам термин “римское баронство” требует исторического комментария. Дело в том что, несмотря на общепринятое значение термина, “баронство Рима” не было связано с уступкой земель в феод непосредственно от верховной власти. Власть баронов распространялась не в землях и замках, уступленных как феодальное владение, а в тех, что на протяжении веков принадлежали могущественным фамилиям римлян на правах собственности или эмпитевзиса.

Именно в этих сеньориях сочетались экономические и юридические моменты проявления сеньориальной власти, а система вассальных связей, распространенная и на привилегированных жителей, и на простолюдинов, соединяла функции подчинения и защиты населения.

Изучение феномена сеньории решает важный комплекс вопросов, связанных с историей города и замка, взаимосвязи города и contado. Если мы обратимся к примерам самих этих городов, то увидим, что и для них характерны присяги верности, но уже приносимые одной коммуной другой коммуне.

Показателен и исторически важен факт подчинения Риму средневековой городской коммуны Тиволи, наследницы античной *civitas*

tas, игравшей значительную роль в социально-политической истории Римской провинции⁴⁶. Город Тиволи занимал стратегически важное положение, отсюда можно было контролировать сеть важных дорог. Таким образом, естественно, что Тиволи играл роль как локального рыночного центра, так и перевалочного пункта. В Средневековье население города достигало трех тысяч⁴⁷. В результате соперничества двух старинных городских центров община Тиволи стала зависимой от коммуны Рима.

По договорам Тиволи с Римом от 1257 и 1258 гг. коммуна Тиволи обязывалась уплачивать ежегодно 1 тыс. лир или одну десятую часть совокупного дохода коммуны (в пересчете на особую римскую монету – провизины сената)⁴⁸. Сама процедура оглашения договоров тщательно фиксировалась, в записи подчеркивалось как присутствие на церемонии провозглашения договора как обеих общин, так и роль и участие официальных представителей той и другой стороны.

К моменту заключения договора с Римом у коммуны Тиволи уже существовал свод собственных установлений. Однако по воле общины Рима и ее сенаторов эти статуты были пересмотрены, явно не в сторону увеличения муниципальных (коммунальных) свобод. Во всяком случае, отныне все нововведения в Тиволи подвергались цензуре со стороны Рима⁴⁹, при этом важнейший пост в городском управлении, который исполнял *comes*, переходил к лицу, назначенному коммуной Рима и римскому уроженцу.

Статуты 1305 г., прошедшие апробацию представителей Рима, уже включали слова о верности и службе римскому народу “*ad fidelitatem et sevirgium sacri Romani populi*”, хотя описания самой процедуры и полной формулы принесения присяги в статуте не приводилось⁵⁰. Весьма сходные формулировки о верности и службе встречаются, когда договор составлялся между двумя общинами, но одна из сторон была представлена коммуной города, а другая – подвластным городу замком. Так было, например, в случае подчинения коммуной города Витербо и замка Фьорентино, практически в те же годы (опубликованы документы от 1298 и 1395 гг., представляющие собой запись статутот)⁵¹.

Земельные владения, принадлежавшие городской коммуне (которые чаще всего фиксируются в источниках термином *possessiones*), не являлись, конечно, результатом феодальной уступки или установления отношений господства и подчинения между общинами. Не думаю, что в таких случаях все дело объясняется принципиальной несовместимостью вопросов поземельных отношений и вассальных связей. Там и тогда, когда у сеньориальной стороны были особые ресурсы и возможности влияния, возникала так называемая сильная сеньория, позволявшая использовать поземельные отношения в связке с обязательствами “верности”.

Или же именно сила общины, хотя бы и юридически зависимой, ограничивала стремления сеньора изменить привычный земельный уклад. Но это не означает, что земельный фонд был исключен из сферы отношений зависимости. Можно сказать, что в средневековом обществе любой аспект жизни был связан с землей, поэтому, естественно, зависимость общины, так или иначе, затрагивала и свободу землевладения ее членов. Нет сомнений, что именно из налогов на земельные владения общинников, формировались фонды выплат, которыми подвластная коммуна была обязана по отношению к более сильной *civitas*.

Итак, важной характеристикой статуса простолюдинов и целых общин Папской области было наличие вассальных связей между ними и такими сеньорами, как нобили (в том числе урбанизированные), городские коммуны и церковь.

Вопрос так называемого сеньориального насилия также требует учета особых казусов и локальной специфики или же расширения круга проблемных задач исследований⁵². В частности, важны особенности состава элит и масштабы накопленных ими в определенный исторический момент ресурсов⁵³. При том что развитие сеньории явно не было линейным, одноплановым, на любом этапе ее эволюции прослеживается определенное смешение различных форм и принципов осуществления сеньориальной власти, в том числе и достаточно патриархальных. Видимо, различия интерпретаций одного и того же феномена следует искать, прежде всего, в различиях развития национальных европейских школ историографии, а не только в доступности и репрезентативности источников. Точнее, общий подход и диктует избирательность ученых при работе с базой данных источников.

Будучи итальянистом, я заведомо предполагала, что возникнет проблема противоречий между выводами историка, сформировавшегося в процессе изучения средневекового англосаксонского мира, и моими собственными взглядами и исследовательским опытом. Однако меня вполне удовлетворили построения Рейнольдс – не как опора для будущих исследований, но как основа для преподавания базовых вопросов развития средневековой общины и сеньории. Кроме того, на мой взгляд, значимость труда Рейнольдс по истории общин в том, что исследовательница и в этой работе показывает роль сеньориально-вассальных связей в истории общины.

Многие исследователи темы общины и сеньории не стремятся показать читателю и даже отдать себе отчет в том, что речь идет об одних и тех же людях и группах людей, вовлеченных в отношения, которые мы определяем как поземельную или личную зависимость, как объединение в коммуну или подчинение сеньории. Однако такую опасную ошибку никогда не совершала Рейнольдс.

И сеньория, и коммуна – это не две четко разграниченные системы, а две игры, которые ведутся на одном и том же поле, причем правила игры составляются и записываются согласно текущей юридической моде.

Недостаточно полным кажется представление о том, что средневековая итальянская коммуна, в том числе и коммуна города, взаимодействовала с сеньориальными структурами. Речь идет о том, что в элиту *civitas* входили лица, которые выступали как сеньоры окрестных земель и общин, города как коллективные сеньоры назначали своих должностных лиц для контроля над подвластными общинами контадо, сеньориальный или феодальный строй пересекался с развитием институтов коммун.

Пропасть между миром коммуны и сеньории, является лишь образом, неотъемлемой частью картины истории, которую создали исследователи определенной эпохи. Но возможно найти такую точку зрения, которая не дает увидеть подобного разрыва. Мне показалось важным то, что у Рейнольдс есть широкие перспективы рассмотрения предмета, несмотря на декларируемое развенчание ценности общих исследовательских позиций.

Опыт Рейнольдс является весьма показательным и важным в той историографической ситуации, когда отсутствует общепризнанная, пусть и условная “большая модель описания”. Точка зрения Рейнольдс по поводу вассалитета и концепта феодального была выбрана и обоснована в определенный момент развития историографии, связанный с ревизией общих понятий. Тезисы Рейнольдс следует признать удачными не потому, что ее подход может быть использован другими исследователями при изучении любого конкретного исторического материала, но потому, что они породили ряд продуктивных дискуссий. Главное, чтобы эти тезисы не стали “противоположным” общим местом, т.е. стереотипом.

При этом попытки обвинить именно книгу “Фьефы и вассалы” в изобретении логики номинализма кажутся преувеличением. Традиции и номинализма, и реализма придают самим своим сосуществованием некий импульс развитию исследований. Теперь, когда в среде отечественных медиевистов термин “социальная история” все чаще подразумевает не “социальную историческую реальность, какой она была на самом деле”, а способ или метафору изучения истории, странно не искать новые смыслы в старых “словах о главном”.

В заключение отметим, что самый традиционный набор источников (как например, использованная в данном очерке источниковая выборка) может показать неоднозначность проявлений исследуемого феномена вассалитета. Но констатируем также, что отдельный исследовательский казус может потребовать совмес-

тить в исследовании сферу поземельных и личных отношений, юрисдикционные аспекты и структуры повседневности, аспекты истории общины простолюдинов и развития сеньории, крестьянский и рыцарский миры. При изучении казусов вассальных отношений в Италии необходимо держать в руках все названные выше сюжетные линии, чтобы возникла некая ткань повествования. Согласимся, что отрицание общих понятий как заведомо несостоятельных, не решает всех проблем. И частные, и узкие термины также не гарантируют стопроцентного попадания в область определения специфических черт региональных и локальных проявлений социальных феноменов. Хотя в данный момент не может быть и речи о сохранении широкого понятия “феодализм”, правомерно отметить отдельные попытки частичного восстановления разрушенных позиций. Видимо, после периода отхода от использования концепта, историкам предстоит обсудить возможность возрождения палитры понятия “феодализм”.

¹ Il feudalesimo nell'alto medioevo // Settimane di Studi nel Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo. Spoleto, 2000. Vol. 47. Тематика встреч в Центре исследований средневековья г. Сполето (с 1999 до 2003 г.) доступна в электронном виде: www.erlangerhistorikerseite.de/zfhm/spoleto3.html

² См. ст. А.Я. Гуревича “Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации” в наст. вып. (с. 11–49).

³ См., например, вызвавшую серьезную дискуссию, позицию профессора Браун, тезисы которой в 90-е годы XX в. развила и усилила С. Рейнольдс. *Brown E.A.R. The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe* // *American Historical Review*. 1974. Vol. 79. P. 1063–1088.

⁴ *Ganshof F.L. Feudalism*. Toronto 1996 (Medieval Academy Reprints for Teaching. Т. 34). Этот пример весьма показателен, поскольку популярный обобщающий труд по истории феодализма был переведен и переиздан в последний раз более чем через столетие после рождения автора – человека XIX в., создавшего основные произведения до 60-х годов прошлого века.

⁵ Например, достаточно, сравнить итальянские энциклопедии по истории средних веков 70–80-х годов XX в. и начала нашего века, написанные ведущими специалистами медиевистами и предназначенные для преподавателей и студентов магистратур гуманитарных факультетов: *Storia d'Italia / Dir. da G. Calasso*. 1978–1983. Vol. 1–4; *Storia d'Italia*. Einaudi. 1974. Vol. 2; *Storia d'Italia medievale / Dir. da O. Capitani*. Laterza, 2004. В первом случае термин “феодальный” несет огромную нагрузку, а в последнем труде под редакцией Овидео Капитани совершенно не фигурирует даже в названиях мелких параграфов.

⁶ *Alexander P. Logic and Humor of Lewis Carrol* // *Proceedings of the Leeds Philosophical Society*. 1951. Vol. 6. P. 551–566. См. также подробное примечание ко 2-му стереотип. изд. на рус. яз., подготовленному Н.М. Дему-

ровой. См.: Приключения Алисы в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М., 1991. С. 172–173.

⁷ Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.; Oxford, 1994. P. 119–120.

⁸ Отметим, например, что статья Рейнольдс по, казалось бы, частному вопросу (формированию старта профессиональных правоведов) немедленно получила три отклика-рецензии: [The Emergence of Professional Law in the Long Twelfth Century](#) <http://www.historycooperative.org/journals/lhr/21.2/>

Reynolds S. *The Emergence of Professional Law in the Long Twelfth Century* // *Law and History Reviews*. 2003. Vol. 21, N 2. Summer. P. 347–366; Górecki P. *A View from a Distance* // *Ibid.* P. 366–337; *Radding Ch.M.* *Legal Theory and Practice in Eleventh-Century Italy* // *Ibid.* P. 377–382; *Brand P.* *The English Difference: The Application of Bureaucratic Norms within a Legal System* // *Ibid.* P. 383–388.

⁹ Что было отражено, например, в коллективном труде группы авторитетных медиэвистов Италии и Франции: См.: *Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X–XI ss.)*. Bilan e perspectives de recherches. Roma, 1980.

¹⁰ Я выделяю рецензию, в которой четко обозначена историографическая ситуация, предшествовавшая появлению книги Рейнольдс. См.: *Cheyette F.* *Rec. ad op.: Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.; Oxford, 1994 // *Speculum*. 1996. Vol. 71. P. 998–1006. Рецензия доступна в электронном виде на нескольких сайтах, в том числе: <http://www.fordham.edu/Halsall/source/reynolds-reviews.html>:

Выделим следующий пассаж: «С. Рейнольдс, должно быть, восприняла с унынием или смиренным недоверием извещение Академии медиэвистов о том, что по просьбе ученых следующего тома, который будет напечатан в академической серии, переиздающей важные для преподавания труды будет книга Гансхофа “Феодализм”, так как в своей книге объемом в 500 страниц, уже не раз прорецензированной, она рьяно спорила именно с Гансхофом и выступала против него. Конечно, нападки на “классическую” книгу Гансхофа, до сих пор являющуюся предметом восхищения, не новы; они были общим местом в беседах, которые велись в кулуарах, когда я едва закончил учебное заведение, а Э. Браун, которой Рейнольдс посвятила свою книгу, подала пример в печати, опубликовав 20 лет тому назад весьма пространную и имеющую очень ясную цель статью».

¹¹ *Fasoli G.* *Dalla civitas al comune nell'Italia settentrionale*. Bologna, 1961.

¹² *Reynolds S.* *Kingdoms and communities in Western Europe 900–1300*: 2nd ed. Oxford, 1984. P. 179–180.

¹³ *Reynolds S.* *Fiefs and Vassals...* P. 17: “Прежде чем критиковать понятие вассалитета, как оно используется в дискуссиях о вассально-фьефных отношениях, необходимо как можно более ясно указать на тот смысл, который мы здесь в него вкладываем. Историки употребляют понятие вассалитета..., чтобы обозначить отношения между сеньором и его свободным или знатным сторонником – вассалом. Поскольку вассал был свободным человеком, то их отношения, хотя и неравноправные, рассматривались ими как добровольные и взаимные...”

- ¹⁴ Именно поэтому в качестве вводного и обзорного очерка по теме приходской коммуны можно рекомендовать кн.: *Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe...* P. 79–100.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 81.
- ¹⁶ *Reynolds S. Fiefs and Vassals...* P. 119–120: “Нельзя предположить, что такие абстрактные существительные, как *feo, fevum, feudum...*, имели устойчивое значение, будучи вырваны из контекста их употребления. Если даже в пределах какого-то контекста допустим определенный смысл термина, это не значит, что этот смысл столь прочно закреплен за этим термином, что может сохраняться и в других случаях, и в других контекстах. К сожалению, применительно к этому периоду (900–1100 гг.) из контекста мало что можно прояснить... Возможно, писцы и использовали определенные существительные для того, чтобы описать некоторые виды собственности, но при этом они не заботились о том, чтобы охарактеризовать саму категорию собственности”.
- ¹⁷ *Cheyette F.* *Op. cit.*; электронная версия: www.fordham.edu/HALSALL/;
- ¹⁸ *Бернадская Е.В.* К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV–XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары) // *Из истории трудящихся масс Италии.* М., 1959; *Брагина Л.М.* Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. // *Средние века.* М., 1958. Вып. 12; *Она же.* Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. // *Из истории трудящихся масс Италии.* М., 1959; *Котельникова Л.А.* О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX–XII вв. // *Средние века.* М., 1960. Вып. 17; *Самаркин В.В.* Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии в XII–XIV вв. // *Вестн. МГУ. История.* 1964. № 3. Разумеется, официальной мотивировкой исследований являлся интерес к “положению трудящихся масс”, а такой феномен как “вассалитет простолюдинов” не мог быть оценен всесторонне.
- ¹⁹ *Reynolds S. Fiefs and Vassals...* P. 22 (2. 2): “Ссылки на *vassi* или *vassali* не так уж часто встречаются в источниках, как можно предположить при чтении современных трудов по истории средних веков. Они часто встречаются в каролингских документах и были перенесены франкскими завоевателями на итальянскую и германскую почву... Однако начиная с X в. эти термины постепенно вышли из употребления во Франции и Германии, в то время как оба латинских слова продолжали употребляться в Италии. Начиная с XIII в. употребление этих терминов в актах, государственных документах или юридических текстах... как представляется, указывает на распространение нового академического права...”. *Ibid.* P. 23: “Термины *fidelis* и *homo* могут в некоторых случаях употребляться для обозначения примерно того же феномена, который историки имеют в виду, когда говорят о вассалах, но могут употребляться и в другом смысле...”
- ²⁰ *Toubert P.* *Les structures du Latium medieval: le Latium méridional et la Sabina* du IX à la fin du XII siècle. Roma, 1973. P. 402–403.
- ²¹ *Statuti della Provincia Romana.* Roma, 1910. Vol. I. P. 57: ...*considerantes quod universitatis hominum castri Rocche Antiqua comitatis Sabine iam dicti fideles et devoti sancti matris Ecclesie...*

- ¹⁰ Ibid.: ...quamvis non consueverint statutis vel scriptis legibus municipalibus gubernari...
- ¹¹ Ibid. P. 58. I–II; 59. III–III; 60. VI; 69. XXXV.
- ¹² Ibid. P. 58. I: Primo quidem decernimus quod universitas predicta...prout per nos fuerit declaratum, nostrum in Roccha predicta vicarium deputandum per nos et successores nostros perpetuo reverenter recipiant...
- ¹³ Ibid. P. 18. CXXVIII; P. 58. II.
- ¹⁴ Ibid. P. 62. XIII. Statuimus et ordinamus quod quilibet posit appellare de omni gravamine ad curiam... et ad nostrum curiam Sabinensem...
- ¹⁵ Ibid. P. 59. III: ...qui notarius non sit vassalus neque suppositus alicui Romano seu potenti persone...
- ¹⁶ Ibid. P. 80. LXVII: Statuimus quod nulla persona de rocca audeat vel presumat facere aliquod vassallagium seu homagium alicui persone, nec permittat facere alicui persone potenti, nec Romano, universitati, loco vel alicui alio, qui non sit de iurisdictione Roche, nec vendat vel alienet bona sua stabilia alicui potenti...
- ¹⁷ Ibid. P. 97. CXXVII: ...statuimus quod census Sancti Petri...solvatur per foculare et non per libram...
- ¹⁸ Statuti della Provincia Romana. Roma, 1930. Vol. II. P. 15–25.
- ¹⁹ Ibid. P. 23: ...vassalorum monasterii quos ipsum monasterium habet in castris Roiatis et Rocca Sicce...
- ²⁰ Ibid. P.25: ...salvis et reservatis in hiis omnibus servitiis consuetis que monasterium a dictis vassalis recipere consuevit...; Ibid. P. 24: ...et dicta assisa colecta et electa dicto domino abbati vel eius successoribus in festo predicto Nativitatis Virginis assignabunt...; ...si autem dictum monasterium terram vel castellum aut ecclesiam emerit dicti vassalli sine fraude et moderate de bonis propriis ipsorum ipsi monasterio adiutorium prestabunt... Последнее условие также имеет параллели в соглашениях светских сеньоров и их вассалов. См. данные пункты по материалам документа из Субьяко от 1193 г.: Ibid. P. 15: ...hac die nostra bona voluntate et communi consensu totius populi de Sublaco... ut omnes habitatores dicti castri semper benivolos et devotos in servitio ipsius monasterii et nostro conservemus, talem assisam cum eis facimus, exceptis clericis et militibus; Ibid. P. 16: ...si tamen nostrum monasterium emerit terram aliquam vel castellum... de bonis propriis populus... adiutorium faciet...; Ibid. P. 17: ...salvo tamen in his dominio monasterii et nostro, et salvis consuetudinibus antiquitus constitutis in servitiis artificum et operis hominum quas semper monasterium habuit et habere debet...
- ²¹ Statuti I. P. 5: ...ad Dei omnipotentis laudem et augmentum honoris domini Francisci Napoleonis, domini Jacobi Napoleonis et domini Mathei Ursi domonorum castri Vicovari et pacificum ac tranquillum statum hominum ipsius castri vassalorum eorundum dominorum, congregate universitate et hominibus ipsius castri Vicovarii ad sonum campane et voce preconia ut moris est apud palatium curie castri eiusdem in presentia venerabilis viri domini Iacobi episcopi Tyburtini, Bonicomitis domini castri Canis mortui, domini Philippi de Cellis iudicis, ...mei Raynerii iudicis et notarii et testium subscriptorum ad hoc specialiter vocatorum et rogatorum...
- ²² Statuti II. P. 46. LXX: ...occasione debite fidelitatis.
- ²³ Исключение зафиксированы в прологе статута Каве 1307 г. См.: Statuti I. P. 29 и далее в специальных статьях (см. ниже).

- ³⁶ Статут Каве 1305 г. наиболее емко показывает статус вассалов рода Колонна в сравнении со статусом оруженосцев, приближенных, уполномоченных этих же сеньоров. См.: *Statuti I*. P. 41. LXI: *item quod si aliquis vassalorum offendit aliquem de scotiferis dominorum puniatur vice qualibet ut puniri debetur ac si offendisset unum de aliis de terra, si vero offenderit domicellum dominorum, puniatur in duplo eius pene que imponitur si offendisset alium de terra, si vero socium dominorum seu vicecomitem offenderit, triplicetur pena... (si) castellanum offenderit quadruplicetur pena...*
- ³⁷ *Ibid.* P. 8. XV. P. 5: *...ad tranquillum statum hominum ipsius castri vassalorum eorundem dominorum.*
- ³⁸ *Ibid.* P. 11. XXXX: *...et lectos facere non teneantur nec occasione lectorum alicuius de familia vel alterius, aliquis pannus de domo massarii extrahatur vel auferatur, sed solum tabernarii et hospites teneantur eos hospitare et eisdem lectos facere recipiendo a curia quantum recipient ab aliis...”; P. 19. III: “Item quod dicti nobiles non teneantur facere lectum familiaribus domini dicti castri nec lectum pro eis et aliis quibuslibet ad curiam mictere. Set si aliquis nobilis seu socii cum domino venerit quisque recipiat eum et faciat lectum, ut est consuetum; et si contra fecerent solvant pro pena tres sollidos.*
- ³⁹ *Regesta chartarum. Regesto delle pergamene dell’archivio Caetani / A cura di G. Caetani. Perugia; San Casciano Val di Pesa, 1922–1932. Vol. II. P. 130.* Этот пример относительно статусных различий владельцев наделов на землях римских баронов подробно цитирует и разбирает С. Кароччио. См.: *Carocci S. Baroni di Roma. Dominazioni signorili e lignaggi aristocratici nel Duecento e nel primo Trecento. Roma, 1993. P. 496 (Collection de l’Ecole française de Rome, 181). P. 232. Not. 139.*
- ⁴⁰ *Statuti I*. P. 9. XXII: *...si curia haberet aliquid vendere de rebus suis, videlicet de blado vel vino, nullus de terra interim vendere debeat quousque curia vendiderit...*
- ⁴¹ *Statuto di Olevano Romano del gennaio 1364 / A cura di V. La Mantia. Roma, 1900. XXXII. P. 9; Statuto di Campagnano del secolo decimoterzo // ASRSP. 1891. N 14. P. 60.*
- ⁴² *Statuti II. XXXXXIII.*
- ⁴³ Убедительный сравнительный анализ документов приводится Кароччи, в примеч. к разделу: *Proprieta e gestione delle terre // Baroni di Roma. Особ.: Carocci S. Op. cit. P. 214.*
- ⁴⁴ Как в случае замка Дженаццано – сеньории рода Колонна. См.: *Statuti I*. P. 131–132. XXII: *“si aliquis moriretur habens filios vel nepotes... vel fratres existentes in castrum Genezani libere moriantur eis, dummodo essent vaxalli dominorum vel si non essent vaxalli... et vellent iurare vaxallagium dominis possint defunto succedere, ut dictum est”.*
- ⁴⁵ *Statuto di Campagnano // ASRSP. 1891. N 14. P. 78–80.*
- ⁴⁶ *Viola S. Storia di Tivoli dalla sua origine fino al secolo XVII. Roma, 1819. Vol. 1–3; Idem. Aspetti delle strutture familiari a Tivoli nel Quattrocento // Mélanges de l’Ecole française de Rome: Moyen Age–Temps Modernes. 1982. N 94. P. 45–83; Il sistema catastale di Tivoli (secoli XIV–XVI) // Archivio della società romana di storia patria. 1982. T. 105. P. 217–236.*
- ⁴⁷ *Beloch K.I. Bevölkerungsgeschichte Italiens. B., 1937. Bd. II. S. 56.*

- ⁴⁸ Statuti I. P. 264: ...homines Tiburis dabunt annuatim et in perpetuum comuni Urbis millenas libras provisinorum senatus vel decimam partem omnium proventuum comunis et hominum.
- ⁴⁹ Statuti I. P. 267: ...ordinamenta et statuta Tiburis per comune Urbis hactenus correcta... et si que de nuovo per comune Tiburis fierent, per comune Urbis corrigantur...
- ⁵⁰ Statuti I. P. 153: ...infrascripta capitula statuta et ordinamenta condita et facta fuerunt per communem et populum civitatis Tyburtine in publico parlamento in platea maioris dicte civitatis ad hoc ut dicta civitatis conservetur illesa ad fidelitatem et sevrítium sacri Romani populi.
- ⁵¹ Statuti I. P. 335: “...Ad honorem et reverentiam et fedelitatem potestatis comune et consilium civitatis Viterbii et Octo de popolo eiusdem civitatis et pacificum et tranquillium Castri Florentini...”
- ⁵² См., например: *Barthélemy D.* La théorie féodale à l’épreuve de l’antropologie: Note critique // *Annales: HSS. P.*, 1997. Т. LII. P. 321–341. Кроме того, существует непримиримое противоречий интерпретаций, принятых во французской и итальянской историографии. Картина формирования сеньории в представлениях итальянских исследователей несходна с различными интерпретациями процесса, принятыми во французской историографии. Речь идет не о нескольких десятилетиях, а о веках. Итальянская историография прослеживает формирование сеньории с рубежа VIII–IX до XIII–XIV вв. При этом с ранних веков ее существования исследователи отмечают черты, характерные для французского варианта развития территориальных структур организации. Подробнее об этом историографическом споре я высказывалась в краткой публикации. См.: *Селунская И.А.* Эта банальная банальная сеньория // *Средние века. М.*, 2004. Вып. 64. С. 61–74.
- ⁵³ Специфика римской элиты и способов ее влияния в римской округе, на мой взгляд, лучше всего описана в серии работ Сандро Кароччи, которые мало известны российским медиевистам, как, впрочем и специалистам за пределами Италии. См.: *Carocci S.* Genealogie nobiliari e storia demografica. Aspetti e problemi (Italia centro-settentrionale, XI–XIII secolo) // *Demografia e societa nell’Italia medievale / A cura di R. Comba, I. Naso.* Cuneo, 1994; *Idem.* Assetto familiare, politica matrimoniale e regime successorio dei baroni romani (Duecento e primo Trecento): cenni complessivi // *La popolazione di Roma dal medioevo all’età contemporanea: fonti, problemi di ricerca, risultati / A cura di E. Sonnino.* Roma, 1998. P. 221–227.